

Грейс Агиляр

*Кедровая
долина*

В переводе Дана Берга

18+

Грейс Агиляр
Кедровая долина

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Агиляр Г.

Кедровая долина / Г. Агиляр — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Роман "Кедровая долина" - это драматическая история любви еврейской девушки и английского рыцаря. Действие развивается в Испании в 15 веке накануне принятия эдикта об изгнании евреев из страны. Среди действующих лиц романа - королева Изабелла и король Фердинанд. Перевод: Дан Берг

Грейс Агиляр

Кедровая долина

Предисловие переводчика

Английская писательница Грейс Агиляр (1816 – 1847) родилась в Лондоне в состоятельной еврейской семье. Предки ее родителей бежали в Англию из Португалии, спасаясь от инквизиции. Религиозные отец и мать воспитывали в дочери преданность своему народу и его вере. При этом жизнь семьи не была национально замкнутой. Воздух христианства и дух иудаизма смешивались в сердце будущей писательницы, и свойства этого состава отразились в ее творчестве.

Девочка получила прекрасное домашнее образование и очень рано обнаружила литературные способности. К несчастью, Грейс Агиляр с детства и до конца своей короткой жизни отличалась чрезвычайно слабым здоровьем. Ее врачевали оптимизм и вера в Бога. Согласно легенде, незадолго до кончины она произнесла: “Пусть Он убивает меня, но я буду верить в Него”.

Беллетристические произведения Грейс Агиляр – проза, стихи, драмы – посвящены главным образом еврейским темам. Ее перу принадлежат исследования по проблемам истории и религии. Книги писательницы издаются и читаются по сей день, существуют аудио записи в интернете.

Роман “Кедровая долина” был и остается наиболее популярным произведением автора. Действие развивается в Испании в XV веке накануне принятия эдикта об изгнании евреев. Это рассказ о том, как демон религиозного фанатизма обращает в трагедию светлую любовь еврейской девушки и христианского рыцаря. Литературная критика упоминает рядом “Кедровую долину” и “Айвенго” Вальтера Скотта. Возможно, читателю покажется небезынтересным сравнение персонажей этих романов – Мари и Ревекки.

Мог ли иудей сохранить преданность вере отцов в стране нетерпимого к инакомыслию средневекового католичества? На примере развития образа Мари писательница вынесла на суд читателя два пути. Первый – быть открытым католиком и тайным иудеем. Второй – не принимать христианство даже ценой собственной жизни. Автором приведены доводы в пользу как прагматичности, так и героизма. Роман актуален, ибо наше время озабочено единением толерантности и национальной самобытности.

Нетривиален образ королевы Изабеллы. Отдав должное ее общепризнанной роли в развитии Испании и Европы, писательница сделала акцент на душевных свойствах личности государыни – милосердии, любви к ближнему, благочестии.

Роман переводился на немецкий язык и на иврит. Переводов на русский язык прежде не было. В России XIX века “Кедровая долина” стала одной из любимых книг просвещенной еврейской молодежи. Эта вещь – хвалебная песнь преданности вере и гимн любви к человеку. Нелишне отметить, что искусно выстроенный напряженный сюжет увлекает читателя и придает роману достоинства приключенческого жанра. Переводчик выражает надежду на благосклонное отношение современного читателя к произведению подлинной романтики.

Дан Берг

*“У горлиц есть гнезда, лисицу нора приютила,
У всех есть отчизна, тебе же приют – лишь могила...”*

(Джордж Байрон, “Еврейские мелодии”, перевод Д. Михайловского)

Глава 1

*“Они повстречались для расставанья,
Время их снова свело.
Где эликсир для сердец врачеванья?
Разлуку нести тяжело”.*

(Из рукописей Г. А.)

Центральная Испания. Робкая прохлада тихого вечера сменила жар летнего дня. Дикую красоту горного перевала ласкали последние закатные лучи. Непривычная к частой ноге путника, тропа продиралась сквозь коридор тревожно-черных скал по одну свою сторону, и темнеющей в подступающих сумерках зелени огромных деревьев – по другую. Стезя то сужалась, позволяя сомкнуться над нею высоким кустам, то расширялась, уступая дорогу шумным ручьям, несущим мелкие камни и острые сучья. Сосны, дубы, пробковые деревья – вся пышная растительность сей таинственной земли дерзко утверждает чудо изошренной природы. Здесь, в безлюдных местах, вершины вздымаются ночью до звезд, а днем подпирают лазурь небес.

Горная цепь пересекает страну и ведет к самому сердцу Сьерра Толедо. По глухой этой тропе пробирается одинокая фигура. Человек молод, ловок, отлично сложен. Движения его легки и грациозны. На макушке восседает широкополая шляпа. Цвет лица нежен и свеж. Густые каштановые волосы собраны в пучок. Красота лица, пожалуй, несовершенна, но ясные голубые глаза светятся умом, а открытые черты честного лица выдают достоинство и благородные порывы горячего сердца. Внимательный опытный взгляд не признал бы в нем сына Испании.

Его имя – Артур Стенли. Он англичанин, отпрыск благородного семейства. Война Роз вынудила молодого человека к добровольному изгнанию. Его отец и четыре брата пали в бою на стороне королевы Маргарет. Когда Артуру минуло пятнадцать лет, он и его брат-близнец были заточены в тюрьму в Тьюксбери и томились в неволе три года.

Король Эдуард желал умиротворить все еще сильное семейство Стенли. Он предложил юношам свободу и подобающий их рангу почет в обмен на клятву верности. Молодые Артур и Эдвин гордо отказались. Узвленный Эдуард с жестокостью достойной самого Ричарда Глостера приговорил одного из братьев к смерти на плахе, а другого к вечному заточению в тюрьме. Прибавляя к беспощадности злодейство, король предоставил близнецам сделать страшный выбор самим. Жребий привел Эдвина на эшафот, а Артура оставил в темнице.

Артуру удалось бежать из тюрьмы, а затем и из Англии. Он поспешил в Испанию ко двору Фердинанда, короля Арагона. Рекомендательные письма помогли юному Стенли снискать доверие короля, и вскоре он принял участие в одной из важных для Испании войн.

Высокомерный и неприступный характер испанцев предубеждал их против уроженцев иных земель. Но великодушные и благородство искупали надменную гордость. И очень скоро молодой и одинокий иностранец был с любовью и почетом принят среди высшего рыцарства

Испании. В людях более низкого нрава недоверие к англичанину осталось, но Артура это не заботило. Преисполненный благодарности и юношеского задора, он рьяно служил новому своему монарху, а в душе не забыл, и любил, и мог бы простить хмурую родину.

Пять лет Артур Стенли верно сражается в армии короля Арагона. Марши, учения, бои. Ему двадцать четыре года. Но всякий взглянувший на молодое, свежее, задорное лицо не дал бы юноше этих лет.

Нередки перерывы в ратном труде. В такие дни и недели смятение и печаль полонят сердце юного англичанина, и непонятно взволнованы бывают пылкие чувства, и торопливые мысли ищут объяснение тайны. Он бродит миля за милей, и дорога в радость сильному телу, и душа смутно надеется найти ответ на незагаданную загадку.

Раз, отдавшись смутному беспокойству духа, Стенли вступил на безлюдную тропу в Сьерра Толедо. Он шел и шел, не зная куда. Вот выросла перед ним крутая скала. Горы тянулись к небесам, кроны деревьев гасили закатные лучи, тропа запутана, и не найти пути обратно по своим следам. Как он попал сюда? Иного нет – лишь продираться вперед в надежде выйти на простор.

Артур снял плащ, скатал его, перекинул через плечо. Укрепил за спиной меч. Мощным прыжком отвоевал несколько шагов по скользким камням, начал восхождение. Он хватался руками за ветви кустов и деревьев, уступы скалы служили опорой для ног. Стенли удержался от соблазна оглянуться. Неверный шаг, секундный испуг – и он неминуемо сорвался бы навстречу смерти. Опасность горячила кровь. Велик азарт того, кто душевный покой утратил. Артур стремился только вверх, крупницу страха запрятав на дне души.

Тяжело дыша, запыхавшись, Стенли добрался до вершины. Теперь пред ним зияла пропасть. Природа расколола скалу надвое и приготовила ему последнее испытание. Он стоял на пяточке, и не было места для разбега, чтобы прыжком одолеть черный зев. Неимение альтернативы призвало на помощь решимость. Невероятным усилием Артур совершил прыжок. Он не сорвался и остался цел. Изможденный телом и духом, опустился на траву.

Открывшийся взору смельчака чудесный пейзаж вернул ему силы и любопытство. Стенли встал на ноги, отдаляя горизонт. Пологий склон зеленел луговой травой. Дальше в угасающем свете дня виднелось колоссающееся поле. По сторонам его росли апельсиновые и лимонные деревья, сосны, орешник, пальмы. Стройные кедры были лучшим украшением пейзажа. “Кедровая долина!” – подумал Стенли. Изобилие оттенков, тонкие ароматы в воздухе, неслучайное чередование пород – все выдавало рукотворное происхождение зеленого рая в горной долине, все говорило о вкусе его устроителей и любви их к своему детищу.

Сквозь стволы и нижние ветви виднелось жилище. Струи естественного фонтана поднимались вверх, падали и разбивались о цветы на пестревшей красками клумбе. Двинувшись навстречу таинственной обители, Артур вспугнул прирученных овец и коз, дополнявших домовитостью безмятежный пейзаж.

Стенли приблизился к дому и не встретил ни одной живой души. Движимый неугомным своим нравом, он твердо решил продолжить обследование сухопутного необитаемого острова. По узкой и ухоженной тропке он очень скоро подошел к странному зданию. Квадратное сооружение было выстроено из толстых кедровых бревен и не украшено резьбой. Стенли

подумал, что здание это не может служить лесной часовней, коли оно не имеет ни башни, ни колокола.

Артур прислушался. Из-за деревянных стен доносился поющий женский голос. То были звуки гимна или молитвы. Их небесный строй врвался в его сердце горячей мольбой, волнующей надеждой, нарастающим восторгом. Стенли отчетливо разобрал слова, не понимая их. Что это за язык? Взволнованный, он стоял в почтительном молчании, ожидая развязки.

Пение смолкло. Бесшумно открылась незаметная дверь, и перед рыцарем возникла женская фигура.

Глава 2

“Прощанье! Нет в слове этом сладких грез.

Надежд убитых, бесполезных слез

Его надежно обещаешь.

То счастья дар нам на прощанье!”

(Миссис Хеманс)

Итак, пред очи Стенли предстала девушка. Попытаемся нарисовать ее словесный портрет. Благородные пропорции фигуры, совершенство черт лица, утонченный блеск волос. Одного быстрого взгляда довольно, чтоб узреть очевидные эти достоинства. Но приметливый взор сумеет оценить необычайное очарование лица – единение честности, святости и простоты. Несомненно, женская природа расщедрилась, создавая это юное совершенство.

Наряд девушки состоял из широкой и длинной темно-голубой юбки и светлого жакета. Рукава плотно обтягивали плечи и широко спадали вниз. При каждом движении мелькали контуры изящных рук. Брошь схватывала жакет сверху. Воротник был оторочен серебристой бахромой. Разделенные на голове строгими пробором, чудесные кудри спадали на плечи. Весь облик ее вкупе с убором заявлял о целомудрии и чистоте.

Завороженный, Артур Стенли глядел на девушку и едва дышал. Она не заметила его, повернулась и пошла по тропе. Сердце рыцаря вмиг соединило прошлое с настоящим, сплестило мечту с явью.

“Мари!” – вскричал юноша и кинулся ей наперерез. Неожиданность была столь велика, что девушка покачнулась и удержалась на ногах лишь благодаря подоспевшей твердой руке. Она хотела высвободиться, воскликнула что-то невнятное, и в голосе ее слились ужас и радость. Выдержка покинула ее, и слезы остановили уста.

Началась неистово удивительная эта встреча, но отчего нет праздника на лицах? Стенли вспоминал о счастливом томлении невысказанной любви. Оба чувствовали тогда, что созданы друг для друга, но не срывались слова признания с губ. Сейчас подступили воспоминания о мимолетных блаженных часах. Мари плакала. Казалось, лучшими своими красками страдание рисовало смятенные картины прошлого пред мысленным взором ее.

Стенли напомнил Мари, как однажды решился разорвать не взятый ими обет молчания, и признался в любви. Она, любя и страдая, сказала, что никогда не сможет составить его счастье, и даже любить его есть великий грех для нее, и уступка чувству опустошит обоих. Он тщетно умолял Мари объяснить тайну этих слов.

В тот год Артур был срочно вызван в свой военный лагерь, и они расстались, не объяснившись. Когда вернулся, он не застал Мари. “Она в родительском доме” – сказал друг ее отца дон Альберто, у которого Мари гостила. Стенли пытался выведать у него, где живет ее отец – он хотел явиться к нему и просить руки Мари. Но дон Альберто ловко уклонился от ответа. Мари исчезла, остались тайна и любовь. И вот он нашел ее, и что же – вновь расстаться?

Почему, почему она не хочет, чтоб он просил благословения у ее отца? Речь его была красноречива и горяча. Но Мари без колебаний повторяла свой необъясненный отказ и молила покинуть и забыть ее. Она сказала, что если откроется существование кедровой долины и убежища в ней, то жизни ее и ее отца окажутся в опасности. Страх Мари был столь откровенен, что Артур честью поклялся хранить секрет.

И все же почему их жребий – расставанье? Мари обручена с кем-то другим? Тяжелая и мучительная эта мысль заставила вздрогнуть его. “Нет, Артур, нет, – прозвучал торопливый ответ, – я никогда не полюблю никого, кроме тебя. Мое сердце отдано тебе, и потому руку мою я не отдам никому, и испытание это мне назначено судьбой нести до смерти!”

“Ответь, прекрасная Мари, почему чистую свою любовь ко мне ты называешь жестоким словом “грех” и гонишь меня, лишая надежды?”

“О, Артур! Отцовское проклятие слишком грозная сила. Не испытывай меня более. Я слаба, и нежные твои слова убавляют от твердости в повиновении долгу. О, зачем ты полюбил меня, зачем зажег мою любовь?”

Очевидное страдание в голосе Мари не унимало настойчивости Артура. Вновь и вновь он просил открыть тайну отказа: ведь знай он подноготную, и все бы силы положил на спасение любви! Молчание было ему ответом. Он взглянул в ее лицо – она бледна, как мел, в глазах застыли слезы.

“Ты слишком хорош, слишком благороден, – заговорила, наконец, Мари, – чтоб я решилась причинить тебе горе, назвав неприглядную причину. Не страх смыкает мне уста, но слабость. Узнаешь правду – и с презрением отворишься от меня, и мне не вынести такой муки!”

“Презрение, отвращение! Мари, ты бредишь! – нетерпеливо воскликнул Стенли, – не терзай меня столь страшными словами – они нам чужды!”

И Мари решилась. Бледная, сухими от волнения губами, но твердым голосом она произнесла то сокровенное, что разлучит их навек. В испуге Стенли выпустил ее руки из своих. Он глядел на нее изумленно, и вот, презрение и отвращение произвольно исказили лик его, но не погасили искру любви в глазах.

“Теперь вы знаете все, сеньор Стенли, – сказала Мари, и руки ее сложены на груди, и на лице написаны скорбь и покорность судьбе, – мне больше не надо умалять вас покинуть меня. Ваше лицо вполне красноречиво. Сожалею, что слишком долго химера казалась мечтой. Всякий раз, вспомнив, кто я есть, вы испытаете облегчение – слава Создателю, все позади!”

“Никогда, никогда! – горячо вскричал Стенли, – о, возлюбленная! Я зову тебя в мою страну. Там никто не знает тебя. Голоса крови и веры не слышны в буре вечной любви! Король

Эдуард примет с миром меня, если вернусь я в Англию. Я готов жить под его властью, только будь моей!”

“А мой отец? – задыхаясь, вымолвила Мари, покоренная благородством и пылкостью его чувства, но непреклонная по-прежнему, – ты защитишь его, ты согласишься стать ему сыном?” Артур отвернулся, из горла его вырвался стон. “Нет, эта пропасть слишком широка. Более не приводи резонов и не испытуй слабое сердце мое. Я боготворю твою высокую любовь, но не посмею стать твоей невестой!”

“И ты говоришь мне о своей любви? Ложь! – вспыхнул Стенли и в горячке разочарования и гнева не удержал упреков, – ради тебя я решился оставить великодушную Испанию и вернуться под пяту тирана, я почти провозгласил убеждения людей предубеждениями их, я не погнушался соединением благородной крови моей с мутным током в твоих жилах, я приготовился забыть твое происхождение! Все ради обретения твоей любви! В ответ ты гонишь, требуешь покинуть и забыть! Нет, ты не любишь меня, ты, верно, любишь другого!”

“Твои речи отрезвили меня, – продолжила бестрепетно Мари, – слушать попреки в несчастье тяжелее самого несчастья. Я упивалась своею страстью и своим страданием и позабыла нечто великое. Это долг, и это любовь, которая сильнее любви к тебе. Всего превыше вера отцов!”

Воцарилось недолгое молчание. В волнении Стенли шагал взад и вперед, пытаясь уговорить бунтующее сердце. Удар был слишком неожидан. Год минул, как Артур был призван в войско, и Мари поспешно покинула гостеприимный дом дон Альберто. Она молила судьбу никогда впредь не сводить их вместе и погасить огонь взаимной любви. Ей казалось, что если и случится встреча, решимость легко возобладает над гонимым чувством. Но, вновь увидав любимый облик, поняла, как ошибалась.

“Я послушаю твоего слова, Мари, – сказал, наконец, Артур, – я оставлю тебя сейчас, но не навсегда. Нет, не навсегда! Если есть в сердце твоем истинная любовь ко мне, время не одолеет ее. Природа любви крепче уз веры. Естество найдет слабое звено и разорвет цепь раньше или позже. И тогда ты останешься в целом мире одна, и мои распростертые объятия станут тебе прибежищем, и я не заикнусь о твоём Боге”.

“О, Артур! К чему фантазии? Не отворачивайся от своего племени. Лучше возненавидь меня, как весь твой народ ненавидит мой! – воскликнула Мари и не сдержала слез, – мне невыносимо сладкозвучие слов твоих. Вновь молю – не испытуй мою слабость! Покинь меня навсегда!”

Мари показала Артуру легкий путь, которым можно покинуть долину. Она открыла перед ним неприметную калитку. “Надеюсь, ты не выдашь никому эту тайную тропу?” – спросила Мари. “Никогда!” – с готовностью воскликнул Артур.

Он хотел услышать от нее еще одно признание в любви, заверение, что никто не станет между ними. Но Мари молча провожала его, наконец, спросила: “Ты веришь мне, Артур?” Он не медлил с ответом: “Да, до самой смерти!”

Стенли спускался, не оглядываясь. Луна и звезды помогали ему не сбиться с пути.

Глава 3

*“Сейчас история откроет нам свои анналы,
Трофеями времен обильные”.*

(Парафраза из Томаса Грея)

Исторический фон событий нашей повести – это последняя четверть 15-го века. Однако заглянем вглубь более раннего периода. Испания поделена на несколько мелких феодальных княжеств, включенных в два больших королевства – Арагон и Кастилья.

В обоих королевствах правили, разумеется, монархи, однако в Арогоне сила короля сдерживалась республиканскими установлениями, которые смягчали даже самые неудачные решения коронованных особ. В Кастилье, где не было противовеса королевской деспотии и междоусобице князей, поток анархии и всевозможных бедствий был шире и бурливей.

Не один дом в Кастилье – ни простых, ни благородных граждан – не был обойден несчастьями. Вражда меж своими жестока вдвойне. Законы не соблюдались, торжествовали произвол и разбой, чинимые сильными мира сего. Но все же не перевелись благородные сердца в королевстве, и в пределах его жила надежда на перемены.

Наследницей короны Кастильи и города Леона была провозглашена инфанта Изабелла. Неудивительно, что руки ее стали помогать высшие сюзерены. Выбор Изабеллы пал на Фердинанда, наследника престола Арагона и короля Сицилии.

Деятельное участие в судьбе Фердинанда и Изабеллы принял архиепископ Толедо. Им руководили политические и патриотические резоны. Он предвидел в союзе прежде недружественных тронов залог добрых перемен в стране и содействовал одолению препятствий на пути соединения молодых монархов.

На заре своего царствования будущие владыки Испании были не слишком богаты и не очень сильны. Венценосные жених и невеста поженились тайно, обходя козни пока еще опасных врагов. Стесненность в средствах вынудила их занять денег на бракосочетание. Но пришло время, и бедные прежде монархи завладели бесчисленными сокровищами Нового Света.

Фердинанд взошел на трон Арагона, его юная супруга Изабелла стала королевой Кастильи. Коронованная супружеская чета вознамерилась превратить родную Испанию в великое европейское государство. Монархам предстояло укротить амбиции своих вассалов-рыцарей, остановить междоусобие, возродить закон и вернуть достоинство простому люду. Полтора года энергичного правления и решительных перемен убедили все слои общества в пришествии новой и лучшей эры.

Рыцарские качества Фердинанда, его мудрость и неколебимая твердость возбуждали поклонение, страх и любовь. Женственность и мягкость Изабеллы уживались с решительностью властительницы. Ее справедливость не грешила избирательностью: и вельможа и простолюдин равно рассчитывали на правый суд королевы. Стоило ей заговорить, и все вокруг, включая Фердинанда, уважительно смолкали, ибо почтение к уму есть проявление ума.

Еще задолго до царствования Фердинанда и Изабеллы приютила Испания в своих границах иудейское сословие. Некоторые евреи открыто исповедовали свою веру, другие таились. Веками жили израильтяне в Кастилье, Арогоне, Леоне, Наварре, на мавританских территориях.

Тянувшиеся к знаниям корпели над святыми книгами и, обрета мудрость, покидали родину ради стран, где ждал их заслуженный почет.

Родом занятий практического склада людей была всевозможная коммерция. И хотя в христианской стране положение сих адептов Моисеевой веры было низким и презренным, трудно преувеличить их роль в обогащении королевства.

И, наконец, к третьей категории испанских евреев принадлежали те, которые скрытно исповедовали веру отцов, а на людях являли себя безупречными католиками. Таковыми их знали власти и монастыри, и никто не догадывался о двойной жизни этих вельмож. Они удаивались высоких должностей и отличий, служили королю и церкви, оставаясь в то же время тайными иудеями и расплачиваясь двуличием за верность корням. Взаимное доверие меж ними скреплялось страхом разоблачения. Откройся секрет, и вчерашние знатные особы лишлись бы всех родов обретенных благ, и самой жизни их угрожала бы смертельная опасность за обман.

Святая инквизиция – худший враг евреев – учреждена была во времена правления Фердинанда и Изабеллы. Но тайные суды католической церкви появились двумя-тремя веками ранее, и получили распространение в Испании и не только в ней. Поддерживаемые римским папой, гонители ереси не знали пределов жестокости. Они секретно собирали нужные им сведения о людях, заточали свои жертвы в тюрьмы, не гнушались пытками и полными убийствами.

Испанцы не приветствовали тайные суды, преследовали их вершителей, но не уничтожили до конца. Хитроумные церковники сумели с годами набрать силу и доверие, и, наконец, в стране утвердилась инквизиция. Эти учреждения католической церкви действовали вблизи крупных городов и даже проникли в королевские дворцы, о чем, порой, не ведали и сами монархи.

Существование евреев в среде католиков омрачилось еще более. И в особенности тревожной стала двойная жизнь иудеев, тайно державшихся завета предков.

Глава 4

*“Он на войне был яростнее льва,
В дни мира был он кроток, словно агнец, -
Таков был этот рыцарственный принц”.*

(Уильям Шекспир, “Ричард II”, перевод Мих. Донского)

Перманентные войны, которые в средневековые времена вела Испания в своих пределах и вне их, имели то несомненное достоинство, что возвращали храбрых ратоборцев, давая им непреходящий повод блистать доблестью, силой и смекалкой. Без этих качеств немногочисленный мужской характер.

Испанские монархи справедливо гордились замечательными воинами, имена которых славились на родине, да и в целом христианском мире. Благородные вассалы собирались под властью твердого нравом сюзерена – короля Фердинанда. В свою очередь королева Изабелла пользовалась всеобщей любовью рыцарей. Те боготворили ее и мужеством и отвагой добивались ответного расположения. Забыть былые ссоры между собой и отличиться верностью

короне – таким был надежный путь к сердцу королевы, который избирали достойные ее благосклонности.

Английский рыцарь Артур Стенли, вынужденно покинувший свой край и вставший под знамена испанского короля, верно и благодарно служил Фердинанду и одновременно добавлял славы забытой родине. Монарх любил и почитал рыцаря северной страны. Патриотические чувства не мешали королю поощрять иностранца, до конца доверять ему и давать поручения, требующие личной отваги и абсолютной лояльности. Арагонские и кастильские друзья Стенли признавали его королевским фаворитом.

Настало время представить читателю Фердинанда Моралеса – тезку правителя. Личными достоинствами и заслугами человек этот завоевал пиетет всех сословий и достиг высочайшего положения в дворцовой иерархии. Король не принимал решений ни в совете, ни в военном лагере, ни в суде, не выслушав мнения Моралеса. Скромностью и непритязательностью Фердинанд Моралес снискал любовь простых людей. Упоминание его имени неизменно сопровождалось всплеском добрых чувств.

Моралес начинал свою карьеру, служа пажом у высокопоставленного вельможи. Рвение, энергия и природный ум быстро доставили юноше признание. Возможно, мужская красота была ему в помощь. Молодой Моралес подружился с принцем Альфонсо, братом Изабеллы. Безвременная и таинственно-подозрительная смерть принца глубоко опечалила друга. Огорчение Моралеса не всем пришлось по нраву, и у него появились враги. Но благосклонность Изабеллы, которая защищала всех, кто был верен ее покойному брату, оградила Моралеса от бед. За преданность и прямоту королева воздала Фердинанду Моралесу абсолютным доверием, сделав его своим постоянным посланником к супругу королю.

Велико было личное богатство Моралеса. Именно у него заимствовали средства на бракосочетание венценосные, но бедные жених и невеста – Фердинанд и Изабелла. И именно верный и изобретательный Моралес сопровождал начинающего монарха Фердинанда в опасных его вояжах по стране, насыщенной тайными врагами.

Монаршее признание, растущие сила, почет и связи – ничто не убавляло от простоты, доброты и сердечности в отношении Фердинанда Моралеса как к людям низкого сословия, так и к вельможам. Он по праву слыл общим любимцем.

Фердинанд и Изабелла энергично утверждали приоритет королевской власти в своих владениях, избавляясь от бедствий разногласия и неустойчивости, объединяя Арагон и Кастилию на благо общего интереса Испании. Душою преданный монархам, Моралес весь без остатка отдался воплощению королевских планов. За службой затянулось холостячество, казалось, он не замечал, что сердце пусто без любви.

Желая добра лучшему вассалу, Изабелла всерьез и в шутку упрашивала его найти избранницу и осчастливить суженую. Неужто в целом королевстве не сыскать достойной девы? Фердинанд Моралес с честью отвечал, что женится не ранее, чем мир снизойдет на родную Испанию, и он сможет предложить невесте не только любовь, но и безопасный и спокойный дом. Женское сердце Изабеллы сожалело о недостатке пылкости в таком замысле, благоразумия которого она, впрочем, отрицать не могла. Королева уверенно заявляла, что выбор Моралеса непременно будет безупречен и не повредит ни знатности рода, ни чистоте благородной крови, ни преданности родной католической вере. При этих словах он в глубоком и благодар-

ном поклоне скрывал краску, заливавшую его лицо. Краснея, мы уличаем себя во лжи и очищаемся.

Настал день, и Фердинанд Моралес поразил город Сеговию, родину его богатейших владений, да и всю Кастилью удивил неожиданным известием о своей женитьбе. Супругой всеобщего любимца стала мало кому известная очаровательная девушка по имени донна Мари Энрикес, уроженка Кастильи.

Любопытство к чрезвычайному событию сменилось восхищением замечательной красотой избранницы, уступившим место почтению к новоявленным качествам преданного мужа. Некоторые полагали, будто новобрачный слишком поглощен исполнением долга, политикой и войной, чтобы истинно любить. Но Изабелла, радуясь долгожданной женитьбе своего наперсника и уверенная в знании тайников его сердца, не сомневалась, что только любовь руководила Фердинандом Моралесом.

Глава 5

*“И мы устроили прибежище спасения
В пустыне этой девственной”.*

(Миссис Хеманс)

Убежище в Кедровой долине основал один единственный человек. Звали его Жульен Энрикес, и он приходился дедом знакомой нам уже Мари. Он чудом вырвался из лап тайного суда католической церкви и пять трудных лет был занят постройкой безопасного и скрытого пристанища для всей семьи. Казалось, сама природа назначила Кедровой долине стать неприступным местом спасения гонимых. Смекалка и энергия Жульена Энрикеса усовершенствовали случайное детище гор и лесов. Своими руками он возвел дом и устроил скрытые подходы к тайному месту.

Пока он трудился, враги рьяно искали беглеца, но тщетно. Бесплезность усилий охладила пыл церковников, и поиски прекратились. Судьи посчитали, что смерть спасла его. А он, порой, облачался в грубое одеяние, странствовал как нищий монах, не вызывая подозрений. Он отыскал свою семью и сопроводил ее в убежище. Несколько лет благополучной жизни в долине вознаградили Жульена Энрикеса за усердные труды.

Собственная семья его – это жена, сын и дочь. Вместе и наравне с ними он был ответственен за судьбу трех своих племянников-сирот – двух мальчиков и девочку, оставшихся от покойной его сестры. Муж ее погиб в страшных подвалах тайного суда, откуда самому Жульену Энрикесу удалось бежать. Племянников он любил как родных детей.

С годами укромное убежище в Кедровой долине становилось местом все более удобным для жизни. Вылазки во внешний мир Жульен Энрикес употреблял с неизменной пользой, приобретая вещи не только необходимые, но, иной раз, и атрибуты богатства. Окрепшие молодые мужские руки выстроили молитвенный дом. Священные обычаи древней иудейской веры вершились достойно и безопасно.

Теперь обратимся к именам и судьбам наших героев. Сын Жульена Энрикеса – Мануэль, дочь – Джозефина. Имена племянников – Фердинанд и Жульен, племянница – Мирьям.

Наполненностью событиями и страстями это маленькое место не уступало большому миру. Любовь, ревность, женитьбы, рождения, смерти. Умерла жена Жульена Энрикеса. Сын его Мануэль полюбил свою двоюродную сестру Мирьям и женился на ней. Они остались жить в долине. Дочь Джозефина вышла замуж за кузена Фердинанда, и молодая чета упорхнула из родового гнезда ради новой жизни, не убоившись опасностей.

Жульен, племянник Жульена Энрикеса, любил Джозефину, но она отдала руку и сердце его брату Фердинанду. Возможно, неудачник был слишком робок и чересчур печален. Его мучила мысль о несчастной судьбе отца. Безответная любовь и ревность потеснили эту муку, но когда брат с женой покинули долину, жажда мести вернулось к нему, и он ушел из родного дома, поклявшись отплатить церковникам.

В праздники Пэсах и Суккот молодые семьи и их верные друзья сходились в Кедровой долине под кровом ее патриарха Жульена Энрикеса. Покинуть католическое окружение, не вызывая подозрений, было не слишком сложно, ибо торжества эти приблизительно совпадали с христианской Пасхой и Днем Святого Михаила. До тридцати человек собиралось за столом основателя убежища, счастливого плодами ненапрасных трудов. Один только племянник Жульен, задумавший отомстить за отца, никогда не показывался в долине, и, в конце концов, его оплакали как умершего.

Фердинанд, племянник Жульена Энрикеса, погиб в бою за Испанию. Его вдова Джозефина, дочь Жульена Энрикеса, вернулась в родительское гнездо с малолетним сыном, тоже Фердинандом. Ребенок родился через год после свадьбы родителей. Однако, у Мануэля, сына Жульена Энрикеса и его племянницы Мирьям долго не было детей, и лишь через одиннадцать лет супружества судьба наградила чету дочерью Мари.

Итак, юный Фердинанд был на десять лет старше своей кузины Мари. Мальчик обожал очаровательную малютку. По причине разницы в возрасте Мари была скорее любимой игрушкой, нежели товарищем Фердинанда. Когда юноше исполнилось пятнадцать лет, он покинул долину и стал пажом важного вельможи. Пролетели годы, и ребенок-игрушка превратился в изумительной красоты девушку. Фердинанд полюбил кузину и тянулся к родному дому, и приходил как мог часто, дабы свидеться с возлюбленной Мари.

К тому времени, когда Мари повзрослела, смерть уж несколько раз успела навестить Кедровую долину. Остались там только Мари и отец ее Мануэль. Родитель был несказанно рад обручению боготворимого им чада с кузеном Фердинандом. Пожалуй, Мануэлю не доставало фантазии представить себе счастье дочери с выходцем из чужой семьи. Такую мысль вполне допустила бы мать Мари, и доводы ее обычно убеждали супруга. Но, увы, ее не было в живых, а очевидное для тонкой женской души, порой недоступно пониманию неуклюжего мужского сердца. Недостаток воображения восполняется непререкаемой уверенностью, создавая мнимую реальность.

Мануэль по праву восхищался и гордился дочерью, ибо она была прекрасна. В будущем он видел ее любимой и обожаемой супругом, которым непременно должен стать его племянник. Он мечтал лишь об одном, чтобы Фердинанд испытывал к Мари столь же горячее чувство, как он сам, ее отец. Мануэль мог быть спокоен – Фердинанд преданно любил свою суженую, хотя перипетии борьбы за монаршие интересы крепко приковали его к службе и отдаляли счастье.

Покуда Фердинанд был поглощен делами государственными, Мануэль на время отпустил Мари из дома, позволив ей пожить в большом мире под надежной опекой его лучших друзей. В эти месяцы Мари встретила Артура Стенли.

Мысль о том, что драгоценное дитя может полюбить неиудея, чужака – не могла бы прийти в голову отцу, ибо это положение было для него фантастическим и диким. Мануэль не понимал женского сердца и сильных страстей его, разбуженных пьянящим духом рыцарского благородства. Для себя полагая веру отцов превыше всех прочих чувств, он не мог вообразить возможность альтернативы в сердце дочери. Отец был не совсем не прав.

Мари и Артур не произносили слов признания. Но голос Стенли, само присутствие его, робкое прикосновение – будили в ней незнакомое прежде волнение и несбыточную мечту. Когда он стал просить ее руки, она поняла, что любит его. Это открытие поразило, испугало и отрезвило. Фантом запретного счастья возник и исчез. Пропасть меж ними неодолима. Пожертвовать верой и семьей – вещь нетерпимая. Любовь такой ценой есть тяжкий грех.

Мари, как и Мануэль, отметала мысль о браке с христианином. Но отец, в отличие от дочери, считал невозможным не только союз с чужаком, но и любовь к нееврею. Наверное, поэтому он, возвращая дочь домой в Кедровую долину, не заметил ее печали и удручения. Мари надеялась на время и здравомыслие, которые сотрут из памяти преступную любовь. Ей казалось, что она и впрямь забыла Артура. Но действительность – враг иллюзий. Его появление оживило чувство. Чтобы вернее оттолкнуть Стенли, она сотворила недопустимое – отрыла ему тайну. Она надеялась, что христианское предубеждение уничтожит его страсть и вместе с ней ее любовь. Но Артур и эту преграду одолел, и Мари поняла, что ей не забыть его и век жить с этой мукой.

Иной раз Мари было столь одиноко и тяжело, что она думала признаться отцу. Но она слишком любила его, чтобы причинить ему такое горе. К тому же Мари предвидела, как он рассудит. Да и не вынести бы ей порицания ее сокровенных чувств кем-либо, хотя бы даже и родным отцом. Довольно с нее и собственного беспощадного суда.

Мануэль Энрикес отсутствовал в Кедровой долине, когда там побывал Артур Стенли. В день возвращения Мануэль почувствовал недомогание. Голова закружилась, и с ним случился обморок. Он не отнесся к этому серьезно. Он не боялся смерти. Единственным его желанием было знать, что Мари уже замужем за Фердинандом, и он надеялся успеть дожить до этого.

За первым приступом последовали другие, иногда легкие, а другой раз и продолжительные. Страх за отца и любовь к нему возросли в сердце Мари. Признание стало совершенно невозможным, ибо горе могло убить старика.

Глава 6

*“О, я не жду похвал –
Лишь нежно взгляни, и устою на земле...”*

(Миссис Хеманс)

По заведенной традиции в праздник Суккот собирались в Кедровой долине семьи детей и племянников Жюльена Энрикеса, а с ними их верные друзья – иными словами все, посвященные в тайну убежища. Как требует того древний обычай, возводились шалаши на недельный

срок. Хозяева и гости трапезничали, сидя под крышей этих временных построек и там же за беседами проводили время, свободное от пения молитв в празднично украшенной синагоге.

Красота шалашей и внутреннего их убранства, торжественные гимны и богослужения, чтение подобающих Суккоту библейских преданий, строгость соблюдения обрядов – равно волнуют души детей и стариков.

Для постройки стен шалашей брали толстые ветви пальм, кедров, ивы, дуба, акации. Крыши, выкладывались листьями и тонкими ветвями, которые, сплетаясь в решето, сообразно нерушимому закону оставляли видимым небо, и солнце и звезды одобрительно глядели на сидевших внутри шалашей строгих блюстителей древней веры. Вдоль стен выстраивались вазы с цветами. Искусно составленные букеты пестрели всеми оттенками осени и источали сладкие ароматы. Столы украшались фруктами, которые рождала земля Кедровой долины – пурпурный виноград, красные апельсины, бледные лимоны, лайм, гранаты, цитроны. Пироги пекла Мари, и к приготовлению других кушаний она тоже прилагала руку.

Случился год, когда к большому разочарованию Мануэля тайный клан не собрался на Суккот, и отец с дочерью грустно праздновали одни. Вдобавок Мануэль был озабочен быстро слабеющим здоровьем. В конце святого поста Ём Кипур, что пятью днями опережает праздник, со стариком вновь случился припадок, тяжелый и продолжительный. Очнувшись, отец успокоил дочь, сказав, что обморок стал следствием строгого поста. Однако в глубине души он не верил собственным словам, он чувствовал близость смерти. Мануэля тревожило отсутствие племянника. Появление Фердинанда стало бы подтверждением истинности его слов о любви к Мари. Именно этого и вожелел Мануэль. Тогда он объявил бы о немедленной женитьбе Фердинанда и Мари, и набрался бы духу, и признался бы дочери, что близка его кончина, но бояться ее у него нет теперь причины.

На праздничную неделю непременно выпадает и суббота. В сей святой для иудеев день заботам и тревогам, будничному и суетному надлежит отступить в тень, и душа должна открыться для духовного и вечного, возвышенного и божественного. Но в канун наступающей субботы отец и дочь сидели непривычно молча в шалаше и не вели обычную для такого часа живую беседу. От обеспокоенного дочернего взгляда не утаились напрасные старания отца скрыть недавшую его тревогу.

Мари принялась упрашивать Мануэля открыться ей – не сможет ли она помочь? Она обвила руками его шею, нежным голосом молила довериться любящей дочери. Мануэль не был столь тверд, как Мари, умевшая в одиночку носить страдания в сердце. Не имея более сил сопротивляться дочерней любви, он открыл ей причину страха: кончина его близка, а судьба Мари не решена. Ему бы только узнать, что Мари стала женой Фердинанда, и, осчастливленный, он встретит последний свой час бестрепетно.

Мари побледнела. Встревоженный Мануэль прижал ее к своей груди. Он был уверен, что она горюет из-за его внезапного признания в неизбежном скором расставании с ним, и он захотел смягчить ее страдания. Он сказал, что любовь Фердинанда будет так же сильна, как и отцовская любовь, и она вкусит все счастье жизни. Он просил не горевать чрезмерно о близкой его кончине – ведь это путь естества.

Мари была удручена не столько известием о скорой смерти родителя, сколько его мечтой. Она ужаснулась: выходит, есть в ее сердце нечто дороже любви к отцу. Однако, признала

эту истину, не желая обманывать себя. Натура Мари не выносила лжи. Она высвободилась из объятий отца, упала к его ногам и открылась ему, до последней капли опустошив сосуд души.

Задыхаясь от рыданий, она покаялась в любви к другому. Как выйдет она замуж за Фердинада, коли сердце и мысли ее несправедливы? Обмануть кровного родственника? Столь благородного и любящего? А кто тот, другой? Он христианин! Какие ужасные слова она произнесла! Звучание их привело ее в трепет. Она отвела взгляд, по-прежнему стояла на коленях, мучительно ждала приговора отца.

Мануэль с сожалением узнал, что для любящей дочери есть вещи поважней долготы отцовского века, но не банальность жизни взволновала старика. Заурядное легко понять, и оно зачастую истинно.

“О, Мари! И это говорит моя Мари, дочь чистейшей и благороднейшей Мирьям? На свое счастье бедная мать успела умереть! Дитя мое, ты влюбилось в чужака, а своего готова изгнать! Какое горе! Бог, зачем ты покинул меня? Зачем не взял мою душу прежде?” Мануэль закрыл лицо руками, тяжкий стон сорвался с его уст.

“Отец! Мой отец! Милосердия ради не говори так! Упрек твой ранит, отчаяние твое – убивает... Невыносимо мне такое горе! Подумай, какую претерпела и терплю я муку, и она со мною навсегда! За грех мой я наказала себя сама и готова к новым карам, но молю тебя, отец, добавь к словам гнева слова любви!”

Мануэль силился заговорить. Но, потрясенный, он не успел вымолвить ни слова, упал на руки Мари и забылся в тяжелом обмороке. Мари смертельно испугалась – это она убила отца. В отчаянии она мысленно поклялась: если Бог смилостивится над стариком и вернет ему сознание, то любое желание отца станет и ее желанием, хоть опустеет кивот в девичьем сердце. Клятва достучалась до небес, и Мануэль трудно и неспешно ожил. По первому порыву он прижал драгоценное чадо к груди. Потом, не сдержавшись, заплакал навзрыд.

Мужские рыдания – тяжелое зрелище, вдвойне горько дочери видеть слезы отца. Но умеющий плакать умеет и надеяться.

“Я знала, что моя любовь грешна, но не думала, что чувство завладеет мной столь сильно. Я очнулась поздно, но не опоздала. У меня достанет сил уничтожить в душе запретные мечты. Мне будет больно, и это хорошо, ибо боль искупит вину. Я причинила тебе горе, дорогой отец, и за это тоже мне положено страдать. Объявляй мне свою волю, я целиком в твоей власти!”

“Ты согласна выйти замуж за Фердинанда?”

“Возьмет ли он меня в жены, если узнает все? А если не сказать ему, то это значит отплатить обманом за любовь!”

“Не говори ему, и ты убережешь его от горя, которому помочь бессильна. Став ему женой, ты непременно полюбишь его. Верностью смоешь грех, который сотрется из памяти с годами счастья!”

“Да разве смела бы я думать о замужестве, если б не намеревалась быть верна? Я поклялась слушать твоего слова и не нарушу клятву. Но вразуми меня, отец: соединившись с Фердинандом, разве я не согрешу против того, чужого, обманув его любовь?”

“Нет, Мари, не согрешишь, но убережешь его от ложного шага, ибо, прозрев, он поймет, что ему следует жениться на другой. А если выйдешь замуж за него, почувствуешь себя свободной? Конец такой страсти – несчастье обоих. Обещание девицы без отцовского благословения не имеет силы, и я освобождаю тебя от слова, данного христианину, и совесть твоя чиста пред ним, и ты не причиняешь ему зла. О, Мари! стань невестой Фердинанда! И оставайся по-прежнему дочерью мне и покойной Мирьям!”

Мануэль вновь привлек к себе Мари. Отец не убедил ее. Пусть она сказала Артуру, что не будет принадлежать ему, но ведь она призналась ему в своей любви! Узнав, что она жена другого, англичанин справедливо назовет ее признание ложным. А Фердинанду не сказать о Стенли – значит обмануть. Покаяние же незаслуженно омрачит благородную душу Фердинанда, и вдобавок ему будет тяжело сознавать, что жена его разбила чье-то сердце. Все худо – как ни поступи!

Молчали оба. Вдруг ветви, прикрывающие вход в шалаш, сдвинулись в сторону. На пороге появилась высокая мужская фигура. Мари вскочила на ноги, вскрикнув от неожиданности. Это Фердинанд. Он сбросил плащ, снял шлем с оперением, приблизился к Мари.

“Кузина, дорогая! Ты встревожена? Неужели не рада мне, любимая Мари?”

Мануэль, казалось, забыл о телесной слабости и душевном потрясении – столь велика была его радость. Дрожащими руками он обнял статного воина, утер слезу. “Фердинанд, мой сын, мой сын...”

Глава 7

*“К жизни смерть порой близка,
Глянь-ка – обе вместе!
Вот могильщику кирка,
Вот фата невесте!”*

(Из рукописей Г. А.)

Фердинанд Моралес, тайный иудей и богатый вельможа на службе королевы Изабеллы и ее супруга короля Фердинанда, обещал государыне, что решится на брак, когда мир и благополучие снизойдут на Испанию. Тогда он сможет предложить невесте не только любовь, но и свою защиту и надежный и изобильный дом.

В праздник Суккот Моралес явился в Кедровую долину, чтобы посвататься к своей кузине Мари. Он был старше ее на десять лет, и дружба связывала детей с детства. Мари повзрослела, и вместе с нею повзрослели чувства Фердинанда. Он полюбил девушку, и мечтал о ее руке и сердце.

Фердинад надеялся получить согласие Мари, а в благословении ее отца Мануэля Энрикеса был уверен, ибо тот знал о любви племянника и страстно желал видеть его своим зятем. Заручившись обещанием, Фердинанд намеревался уехать на два месяца – срок необходимый для приготовления к свадьбе – а затем вернуться в Кедровую долину для свершения обряда по

законам иудейской веры. Празднование бракосочетания перед католическим миром должно было состояться после подлинной женитьбы. Истинность и ложность вещей зависят от точки зрения. Поэтому Фердинанд не упрекал себя в грехе обмана.

Перемена в облике Мануэля Энрикеса была слишком заметна, и Фердинанд весьма огорчился тяжелому недугу дяди. Мари полагала, что дни отца сочтены, и это помогло гостю объяснить ее замкнутость и даже отчужденность болью дочернего сердца. Фердинанда тронула трепетная серьезность, с которой отец передавал свою дочь его заботам, и он удивился неожиданной горячности Мануэля, заклинавшего его любить Мари, не взирая ни на какие жизненные перипетии и не меньше, чем он сам любит ее. Фердинанд усмотрел в этом страх старика перед скорым концом.

Мануэль и Фердинад вели беседу, и голоса их звучали радостно и возбужденно. Появилась Мари. Подозвав ее, Мануэль провозгласил, что она будет обручена с Фердинандом и станет его невестой. Небеса услышали его мольбы, и этот брак есть свершение его жизненной мечты. Мануэль произнес подобающее благословение, соединил руки молодых и оставил их наедине.

Трепетно и нежно Фердинанд попросил Мари произнести вслух согласие с отцовским решением. Он заверил ее, что если любовь к нему еще не поселилась в ее сердце, то это непременно случится в ответ на его преданность и обожание.

Что она могла сказать? Мари благоговела перед кузеном, восхищалась его славой и почетом, добытыми на службе у монархов. Она была бы рада броситься на шею к горячо любимому старшему брату, великодушному, всепонимающему, расплакаться и поведать о своей муке. Но клятва, данная отцу, отнимала у нее это утешение.

Она обещала Фердинаду принадлежать ему, любить и быть верной женой. Лишив себя права покаяния, она лишь промолвила со слезами на глазах, что недостойна любви своего рыцарственного жениха. Ответ Мари несказанно обрадовал его. Образцовую скромность невесты он отнес на счет восхищения его карьерой. Согласие в ее устах еще больше разожгло его чувство.

Два месяца, отделявшие отъезд донна Фердинанда от дня свадьбы, Мари старалась смотреть в лицо судьбе. Ей казалось, она встречала ее смиренно и благодарно. Верить желаемому легко. Без сомнения, она любила Фердинанда. Вспоминала детство, юность, их трогательную дружбу. Да если б не любила, разве сладки были б ее уху признания его?

Она усердно гнала всякую мысль о Стенли. Она молила Бога, чтоб надоумил, как не через силу, но подлинно забыть англичанина. Она просила Всевышнего впредь не сводить вместе пути ее и Артура. Она спрашивала себя, если время сотрет в ее памяти тайну, то растает ли последнее облачко на небосводе счастья? Увы, честный ответ не утешал. Лукавая с самим собой, незадачливый хитрец не спрячется от взгляда простака.

Виды светлой жизненной стези и премудрое решение дилеммы “свой-чужой” не уничтожили боль за разбитое сердце Стенли. Он назовет ложью ее признание в любви, и сердечную эту муку Мари не дано залечить, и мысль о ней вырывает стон из ее горла.

Благодарность судьбе за полное осуществление желаний победила на время недуг Мануэля Энрикеса. Припадки не повторялись, и Мари надеялась на лучшее. Отец не напоминал

дочери о грехе, но щедро изливал на нее свою любовь. При всяком удобном случае он напоминал ей о счастье, которое уготовано ей. Не взирая на слабое здоровье, Мануэль в сопровождении своего старого слуги однажды покинул Кедровую долину и вскоре вернулся нагруженный украшениями, шелками и всевозможными богатыми аксессуарами невесты, дабы добавить радости возлюбленному чаду.

Приближался день свадьбы. Фердинанд подумал, что Мари было бы приятно присутствие женского облика на торжестве. Он привез с собой донну Эмилию де Кастро. В доме друзей Мануэля Энрикеса – донна Альберто и донны Эмилии – раз гостила Мари. Тогда-то она встретила и полюбила Стенли. Увидев знакомое лицо, Мари невольно вспомнила то, что старалась забыть. С рыданиями она бросилась на шею донны Эмилии. Та нежно прижала ее к себе, с пониманием объяснив слезы невесты естественным возбуждением в преддверии решительных перемен.

Мануэль взглянул на маленькую группу вновь прибывших гостей. Он знал всех, за исключением одного человека в монашеском одеянии. Незнакомец отбросил назад капюшон и нацелил пристальный взгляд на Мари. Та покраснела и конфузливо отвернулась.

“Не смущайся, дитя мое! – воскликнул неизвестный, – я чужой для тебя, но ты мне не чужая, в чертах твоих я узнаю твою мать – мою любимую сестру Мирьям”.

Мануэль Энрикес вздрогнул, вспомнив голос того, которого считали покойным. “Взгляни на меня, Мануэль, – продолжил человек, – ведь я Жульен, твой кузен!”

Не успел Жульен договорить, как Мануэль бросился к нему, и родичи, не видевшиеся четверть века, крепко обнялись. Седина украсила волосы обоих. Преклонный возраст не ослабил уз кровного родства, столь крепких у гонимого народа. Жульен, когда-то покинувший Кедровую долину, чтоб отомстить церковникам за убийство отца, Жульен, не подававший о себе вестей и потому признанный умершим – жив и вернулся! Чрезмерное возбуждение Мануэля беспокоило Мари.

Фердинанд не был мнительным влюбленным. Безграничность его доверия к Мари не уступала истинности чувств к ней. Он допускал, что ее любовь не столь горяча, как его, но это не обескураживало, ибо он не сомневался, что Мари по достоинству оценит верность и надежность, и страсть ее сравняется с его страстью.

Он с детства тянулся к ней, а она привязалась к нему и почитала его. Юное девическое сердце всегда было открыто испытанному старшему другу. Разве зародились бы в голове Фердинада сомнения в желании Мари стать ему женой? Разве пришло бы ему на ум, что она предпочла бы принести ему горе отказом, нежели мучить его и себя обманом? Он сам, прямой и открытый, не мог предположить, что у невесты есть тайна от него. Но Мари Энрикес уже не управляла событиями, и течение несло ее вперед, и не оглядываться было благом.

Свадебное утро рассвело. Процессия в полторы дюжины человек направилась в синагогу – то самое здание, назначение которого озадачило Артура. Внутренний вид молитвенного дома показался бы ему не менее удивителен.

Стены, обшитые полированными кедровыми досками, не были украшены ни резьбой, ни картинами, ни какими-либо изображениями. В центре помещался высокий стол, окружен-

ный по краям перильцами и убранный скатертью из дорогой искусно выделанной парчи. У восточной стены высился Священный ковчег. Верхняя часть его в виде арки сияла голубым. Свод этот опирался на два столба, на поверхности которых красовались золотые буквы. Занавесь Священного ковчега сдвинули в сторону, и глазу открылись пергаментные свитки Торы на серебряных осях. С крыши в центре синагоги свисал большой светильник, малый собрат его располагался над Священным ковчегом и горел постоянно.

Вековой ритуал узаконения любви вел Жульен, загодя сменивший грубую монашескую робу на торжественное одеяние раввина. На четырех серебряных жердях был натянут балдахин – хупа – и он нависал над головами новобрачных.

Волосы красавицы-невесты прятались под убором, напоминавшим восточный тюрбан. Чуть-чуть выглядывавшие из-под него толстые темные косы оттеняли бледное лицо. Как хорош был наряд Мари: белое платье, шитье золотыми нитями, венок на голове. Плотная фата скрывала до поры до времени трепет девических переживаний. Пожалуй, жених волновался не меньше. Он преисполнился сознания серьезности момента и в строгом следовании установленной брачной церемонии усматривал доброе начало супружества.

Поднята фата, сказаны подобающие слова, испробовано вино, разбит бокал, надето кольцо на палец. Мари прекрасна красотой мраморной статуи. Лицо бело, но черты его спокойны. С восторгом глядят на нее отец и муж. Сегодня Мари овеществовала преданную дочернюю любовь, и безмерно счастлив Мануэль. Выйдя за Фердинанда, она привела его в райскую обитель свершившейся мечты, и он пережил свой лучший час.

Веселье и радость были главным содержанием свадьбы. Цветы в алебастровых вазах и фрукты в плетеных корзинах с успехом заменили атрибуты богатства. На стол подавались простые вина и непритязательная еда. Гости, все почти люди состоятельные и знающие роскошь, не пышности хотели в этот день. Их радовало братское общение, увы, не слишком частое, единство духа, довольство преданностью вере.

Застольная беседа текла неторопливо, начало смеркаться, на столе появились лампы, источавшие запах ладана. Жульен поднялся и произнес торжественное благодарение, полагающееся после празднования свадьбы. Гости умиротворенно смотрели на жениха и невесту.

Взгляд Мари упал на отца. Румянец на его лице пропал, губы дрожали, неподвижные глаза казались стеклянными. По телу его пробежала крупная дрожь, начались судороги. Что-то пугающее было в этом неожиданном припадке. Слуга подхватил хозяина, удержал от падения. Фердинанд, сам сохраняя спокойствие, старался унять страх в сердце Мари, заронить надежду.

Мануэля перенесли в его комнату. Сведущий в искусстве врачевания Жульен испробовал все известные ему укрепляющие средства. К несчастью, они не оказывали действия, и больной не приходил в себя. Мари стояла на коленях у ложа родителя. Ладони ее сжимали кисть его руки. Она передала бы ему свое тепло, если б он только мог его принять, но рука его оставалась недвижима и холодна.

На щеках Мануэля промелькнул румянец, глаза на мгновение открылись, и вновь сомкнулись веки. Казалось, он что-то хотел сказать.

Мари заметила секундную перемену: “Отец! – вскрикнула она, – заговори со мной, скажи, что прощаешь... и благослови...”

Сила отцовской любви на мгновение одолела смерть: “Простить? Благословить? – едва слышно произнес Мануэль, – да ведь ты стала женой Фердинанда, драгоценная моя Мари! Сбылись цель и мечта... Мое прощение и благословение с тобой! Как жаль уходить, как хочется видеть тебя... Но темно в глазах... Поцелуй меня, дитя...”

Мари бросилась на грудь отцу, покрыла поцелуями его лицо. Он тихо позвал: “Фердинанд...”

Фердинанд встал на колени, осторожно сжал слабеющую руку умирающего, благоговейно прижал ее к своим губам. Мануэль пытался говорить, но язык не слушался его.

“Ты мне больше, чем отец, – горячо промолвил Фердинанд, – я всегда любил и буду любить твое дитя. В обмен на преданность мою я получу ее любовь. Она никогда не узнает беды под моим крылом!”

“Мой сын, мой сын... да сбудутся слова твои... Жульен, брат, упокой меня рядом с Мирьям... Я хочу в последний раз услышать славу нашей вере...”

Затянули псалом. Когда-то лучше всех его пел Мануэль. Но сейчас его красивый голос не был слышен. Из последних сил Мануэль поднял правую руку, положил ее на глаза и почти беззвучно произнес “Слушай, Израиль...” Другие закончили молитву.

Фердинанд осторожно обнял Мари за плечи, хотел увести ее. Она вырвалась, бросилась к отцу, стала целовать мертвое лицо.

Глава 8

*“Злых дум извне не ловит взор и слух:
Внутри, внутри змеится злобный дух!
Любовь – ясна, а Злобу, Зависть, Месть
Порой в усмешке можно лишь прочесть”.*

(Джордж Байрон, “Корсар”, перевод Г. Шенгели)

Минул год или несколько более со времени замужества Мари. Жизнь молодой женщины текла спокойно и мирно, ибо Фердинанд, как и задумал, кроме любви дал супруге богатство и непроницаемую защиту. Мари обрела счастье с изъясном воспоминаний и тревог.

Тайная, истинная и скромная женитьба в Кедровой долине не разглашалась. За ней последовала открытая, показная и роскошная церемония в католической церкви. Высокого звания священник соединил соединенные сердца.

Как пожелала того Мари, она не была представлена королеве. Слабое ее здоровье и недавняя тяжелая утрата послужили Фердинанду удобными предложениями укрыть молодую жену от появления при дворе. Изабелла благосклонно приняла объяснение, тем более что важность поглощавших ее в то время политических реформ перевешивала неудовлетворенный интерес к молодой жене ее лучшего вассала.

Мари стала хозяйкой крупнейшего и богатейшего поместья в городе Сеговия, что в Кастилье. Поскольку Фердинанд Моралес слыл всеобщим городским кумиром, то не удивительно, что и на долю его супруги невольно выпадала добрая квота народной любви. Порой, ее призывали применить влияние и власть, и она делала это достойно и с прибытком доброму имени мужа и с пользой и приятностью для просителей.

Мари чувствовала себя надежно и защищенно. Обожаемая мужем, она училась его любить и училась быть счастливой. Молитвы ее достигли небес: король назначил Артура Стенли на высокий пост в далекой Сицилии, и, значит, тропа ее более не встретится с его тропой.

Увы, мука в душе Мари отказывалась умирать. Чем больше она боготворила Фердинанда, чем больше восхищалась им, тем горше была мысль, что она обманывает великодушие и любовь. Моралес честен и открыт и не заслуживает лжи. Она истинно считала себя недостойной его. Хотя, если подумать, многие недостойны солнца, но оно восходит!

Мари полагала, что будь его любовь не так горяча, а доверие не так безраздельно, и ей было бы куда как легче. В минуты тяжких дум Мари хотела пасть к его ногам с мольбой умерить чувства к ней. Но признание принесет ему боль и ранит в самое сердце. И она отвергала покаяние – ей, а не ему положено страдать!

Среди многих испанцев благородного происхождения, посещавших дом Фердинанда Моралеса, был некий дон Луис Гарсиа, человек приятных, скорее очаровательных манер. Он никогда не говорил прямо о своем звании или ранге, и никому не ведомо было поле его деятельности – то ли это церковь, то ли орган государства, то ли армия, то ли королевский двор. Казалось, он везде был принят. Любезность с таинственностью вместе настораживают людей. Интуитивное чувство опасности не находило объяснения, но и не покидало тех, с кем имел общение ласковый и обходительный дон Луис Гарсиа.

Страницы нашего повествования еще поведают читателю многое о характере и роли этого персонажа. Пока лишь отметим его приверженность аскетизму и строгим правилам жизни. Он слыл религиозным, чурался мирских удовольствий и страстей. Дон Луис рьяно соблюдал предписанные посты и изобретал для себе добавочные, дабы молитвы его вернее находили путь на небеса. Щедрой благотворительностью он завоевал почет у монахов и бедного люда Сеговии. Образцового католика дона Луиса Гарсиа любили холодно и не без опаски.

Дон Фердинанд тепло принимал в своем доме праведного гостя. Моралес не испытывал беспокойства. Абсолютная уверенность в непроницаемости брони из сплава доброго имени, богатства и монаршего покровительства не оставляла в его душе места для чувства опасности.

А между тем, благонамеренный и внешне холодный дон Луис питал самые горячие чувства к супругам Моралес. Завидуя признанию и ненавидя счастье, он всерьез озаботился исканием порочащих фактов. Дон Луис никогда не ведал любви, над этим чувством он скрытно насмехался. Он исповедовал злобу, амбиции, месть. Этот катехизис был родным его натуре и приносил ему успех.

Дон Луис мужал в аморальной атмосфере, которой дышала Испания до восшествия на престол королевы Изабеллы и короля Фердинанда. В те времена королевский двор потакал низким страстям и не почитал закон. Религия не играла роль защитника благопристойности. Убий-

ство и насилие оставались безнаказанными. Казалось, порочные страсти есть лучшее руководство к действию, и добродетели нет места в стране.

Энергия новых монархов весьма способствовала возвращению законности и безопасности в Испанию. Людские нравы, однако, принимают реформы медленнее государственных устройств. Дон Луис Гарсиа был одним из тех, кто по-прежнему уповал на безнаказанность силы.

Фердинанд Моралес неохотно отлучался из своего дома в Сеговии, ибо расставание с молодой женой даже на небольшой срок томило его. Но короткие наезды в Вальядолид и в Леон для сопровождения Изабеллы, где королева попеременно держала свой двор, были неизбежны. Последний его отъезд грозил стать продолжительным. Ему предстояло вернуться вместе с монархами в Сеговию и оказать им гостеприимство. Мари, как и муж, огорчалась разлукой, которая всегда вселяла в нее чувства неуверенности и незащищенности.

Пока Фердинанд находился вне дома, Мари старалась никого не принимать – так спокойнее. Но по недосмотру слуг к ней допустили дону Луиса Гарсиа. Не слишком жалую сего господина, она могла привести причину и не выходить к нему. Не желая казаться слабой самой себе, Мари приняла визитера.

Вкрадчивая и льстивая речь дону Луиса заставила Мари сначала испугаться, потом вознегодовать. По туманным намекам гостя она заключила, что ему, возможно, известна история ее первой любви. Неужели тайна открыта, и негодяй знает то, что не известно мужу? Страх и гнев смешались в сердце молодой женщины. Дерзкий лицемер смеет выражать сочувствие! Она сумела овладеть собой и изгнала доброхота из дома, но не тревогу из сердца.

В словах дону Луиса Гарсиа ей почудился намек на принадлежность его к некоей незримой силе, большей власти короля, к силе злонамеренной и опасной. Мари подумала, что секрет, который она хранит от мужа, не единственный в их семье, и есть у них общая тайна, разглашение которой смертельно опасно для обоих.

“Соккрытие от Фердинанда былой любви – почти измена. Молчание мое грозит благополучию его. Если дон Луис осведомлен, то, значит, я у него в руках, что может иметь дурные последствия для мужа. Нет альтернативы признанию. Пусть Фердинанд услышит горькую весть из моих уст. Хуже, если он узнает ее от врага”.

Так думала взволнованная Мари. Однако дон Луис вовсе не был посвящен в ее жизнь. Но он хорошо понимал человеческую природу и проницательно увидел, что любовь Мари к Фердинанду не так горяча, как любовь Фердинанда к Мари. И на этом основании он предположил существование секрета у жены от мужа. И бросил пробный камень. Увы, он угадал, и круги разошлись по воде.

Ясный ум освещает путь к сути вещей и замечает незаметное другим. От взгляда дону Луиса не укрылся поднятый им ураган страстей в ее душе. Теперь он вооружится терпением. Он умеет ждать. Жизнь сама преподнесет ему желанный случай торжествовать, чиня зло.

Дон Луис Гарсиа был унижен женщиной, но не подал виду ущемленного достоинства. Спрятавшись за маской лицемерия, он вальяжно удалился, но оскорбленный, укрепился в желании мстить.

Глава 9

“Казалось, что окна ожили:

И стар и млад

Глазами жадными на них глядели”.

(Уильям Шекспир, “Ричард II”, перевод Мих. Донского)

Чета Моралес расположилась в будуаре Мари. Великолепно убранство комнаты, безупречен вкус украшающей ее мебели, изящна драпировка стен бледно-зеленой узорной тканью. Мари сидела в своем любимом кресле, Фердинанд разместился на подушке у ее ног.

Фердинанд живо рассказывал о теплой встрече, оказанной королю и королеве в Сарагосе. Они провозгласили себя главами рыцарских орденов Сан-Яго, Компостелла и Алькантара. Монархи, став во главе этих сообществ, умерят их влияние в стране и заместят его своим авторитетом. Муж объяснил жене направление королевской политики, преследующей цель постепенного уменьшения силы дворянства и выдвижения на авансцену интересов простого народа.

“Хотя, дорогая, я сам отношусь к тому классу, активность которого будет сокращена, но с пониманием принимаю дух реформы, полезной для любимой Испании. Впрочем, не стану углубляться в этот предмет. Лучше сообщу тебе, что заработал упрек Изабеллы из-за того, что не привел тебя на праздник в Арагоне. Донна Эмилия описала тебя королеве в столь привлекательных красках, что государыня готова была прогнать меня с глаз долой, как негодного рыцаря, скрывающего от нее свою жену!”

“Наверное, ты прав, дорогой муж! Робкому моему нраву легче принять суету двора, чем испытание одиночеством...” – неожиданно горячо воскликнула Мари.

“Жаль, Мари, но расставания не минуют нас. Ведь ты жена рыцаря, и меня, как воина, будут звать на войну. Я вижу, ты побледнела и дрожишь. Не надо. Я думаю, что прежде, чем я уйду из дому призванный к оружию, ты узнаешь и полюбишь Изабеллу. Ее защита и расположение, в которых я не сомневаюсь, послужат тебе утешительным бальзамом против одиночества”.

“Война? Зачем? Я думала, благодатные перемены воцарят мир в Испании!”

“Это верно, любовь моя, но спокойствие утвердилось лишь в наследственных владениях короля и королевы. Однако есть области испанские, где правят мавры, не желающие принимать власть Арагона и Кастилии. Наши государи покончат с внутренними неурядицами и поведут доблестную армию на непокорных. Когда настанет день войны, и я с печалью покину тебя, ты должна будешь простить расставание своему солдату!”

“Но ведь королевство нынче расширилось. Или этого не довольно нашим монархам?”

“Ты судишь благородно и по-женски, – улыбнулся Моралес, – но притязания сидящих на троне иные – им, как ты заметила, не довольно, да и правы венценосцы. Испания станет ровень с великими государствами Европы. Дерзким амбициям благоволит удача. Пусть потомки короля и королевы наследуют корону целостной страны. Эту славную цель поддержит наше рыцарство, и я за нее пойду воевать. Но, милая моя Мари, час похода на мавров пока не настал.

Зато пришло время оказать гостеприимство Изабелле и Фердинанду – они придут в наш город Сеговию, и ты полюбишь королеву, как и я”.

“Надеюсь стать верноподданной, как мой супруг. Изабелла не слишком строга, сурова?”

“Ты можешь быть спокойна, ибо нет в тебе качеств, кроме тех, что притягивают любовь. Коварство и обман, равно как честность и благородство, она читает пронизательным своим взором в сердце, а не на лице. Мне вспоминается ее испытующий взгляд, брошенный на королевского фаворита, молодого англичанина сеньора Артура Стенли, когда тот был представлен ей. Высокая его родовитость и заслуги доблести весьма удовлетворили королеву, и она, как и муж ее, одарила рыцаря своим расположением. Кстати, мне не случалось прежде говорить тебе о молодом иностранце?”

Мари нашла предлог выглянуть на минуту в окно, дабы муж не заметил ее замешательства, и ответила отрицательным кивком головы.

“Этот юноша отличался веселым нравом, казался счастливым, не смотря на пережитую семейную драму на родине. Говорят, в последнее время он сильно изменился, сделался печален, замкнут, молчалив. Как будто он вкусил горя слишком тяжелого, чтобы поведать о нем. Король назначил его на службу в Сицилию, где он проявил себя отлично. Но он просит Фердинанда перевести его на место более живое и опасное. Король любит такие смелые характеры и, думается, уважит прошение Стенли”.

Вошел паж Алберик и вручил Моралесу перевязанный шелковым шнурком пакет с королевской печатью. Паж добавил, что послание доставлено офицером королевской гвардии.

“Прими посыльного в соответствии с его чином, Алберик. Я сейчас же прочитаю письмо и выйду к офицеру”.

Паж покинул комнату, и дон Фердинанд, развязав шнурок и разбив печать, углубился в чтение. Мари была рада, что он на минуту забыл о ней – ей требовалось время оправиться от небрежно брошенных мужем слов о возвращении Стенли в Испанию. Когда он кончил читать письмо, она уже овладела собой.

“Вот подтверждение моих слов, – сказал Фердинанд, поднимая над головой письмо, – монархи намерены перенести на несколько месяцев королевский двор к нам в Сеговию. Изабелла равно любит всех своих подданных и посему желает удостоить чести и наш древний город – разве хуже мы, чем Вальядолид или Леон? Теперь послушай, любовь моя, что пишет государыня касательно тебя: “Наш лучший вассал! Мы надеемся, на сей раз ты не утаишь от нас дорогой бриллиант, украшение твоего дома! Не с чужих слов, но мы сами желаем судить о цене спрятанного тобою сокровища, дабы не сомневаться в его стоимости. Завладев им, ты завоевал лавровый венок славы в победе над соперниками, теперь настала очередь получить награду от нас. Иными словами, дорогой дон Фердинад Моралес, более не скрывай от нас донну Мари!” Заглазно обласканная королевой, Мари покраснела и опустила голову.

“Дорогая, прошу, добавь чести своему любящему мужу, очаровав королеву благородством, добродетелью и красотой! А вот второе письмо. В Сицилии случились беспорядки. Преданный королю сеньор Стенли решительно и с величайшим рвением восстановил спокойствие. Можно не сомневаться, ходатайство английского рыцаря будет удовлетворено, ведь смелая

просьба выглядит всегда уместной. Его ждет важная роль в кампании против мавров. Теперь, Мари, мы должны подготовиться к встрече наших царственных гостей. У нас мало времени”.

Поцеловав жену, Фердинанд отправился отдавать распоряжения о подготовке замка к приему королевского двора. “Неужели Артур появится в Сеговии вместе с монархами? Только бы этого не случилось!” – твердила про себя Мари, охваченная ужасом неожиданной беды.

Приготовления замка к прибытию короля и королевы шли полным ходом. Роскошным приемом Фердинанд Моралес в бесчисленный раз намеревался выказать свое благоговейное почитание коронованных особ.

Века сосуществования испанцев и мавров на одной земле обогатили оба народа взаимным проникновением культур. Первые переняли у вторых легкую и изящную архитектуру и искусство внутреннего и внешнего украшения зданий. От невольного союза двух цивилизаций дом Моралеса впитал все лучшее в зодчестве. Если вдобавок упомянуть о природном вкусе хозяина и его богатстве, то станет очевидно, что именно Моралес мог лучше прочих почетных горожан Сеговии разместить важных гостей.

Для приема монархов и наиболее знатных рыцарей предназначался восьмиугольный зал. Стены помещения были украшены фресками, повествующими о важнейших событиях истории Испании. Вот великий воин Пелайо, вот сцены завоевания Астурии, вот портрет безвременно умершего принца Альфонсо, брата Изабеллы. Принц закован в латы, лик его благороден, поза величественна. На заднем плане видна армия в боевом порядке. На другой фреске изображено соединение Кастильи и Арагона – бракосочетание Изабеллы и Фердинанда в кафедральном соборе Вальядолида.

Огни инкрустированных драгоценными камнями золотых светильников сохраняли впечатление величия картин в темное время суток. И днем и ночью потрясали зрителя творения кисти и красок художника. Живопись – это чудо меж мыслью и вещью. Картины немые, но говорят обо всем.

Высокие двери вели в смежный зал, пол которого был выложен мрамором, а стены драпированы генуэзским красным бархатом. Одним из украшений этого помещения служили чередующиеся хрустальные и серебряные вазы на постаментах из алебаstra и аквамарина.

Легкая, словно летящая крыша, высокий купол, изящная форма окон – все чудеса мавританской архитектуры красили жилище Моралеса. В восьмиугольном зале расставили столы для королевских особ и приближенных к ним. Смежный зал предназначался для размещения гостей менее высокого ранга. Половину прилегающего сада Моралес приказал ярко иллюминировать, другую часть его оставить в темноте для контраста.

Заметим, что краткие эти строки не претендуют на полноту отражения всех красот и чудес, предназначенных Фердинандом Моралесом для оказания почета любимым монархам. Нет зазорного в роскоши, ибо она принята на Олимпе, а изысканность дворцов не помеха владыкам печься о подданных.

Наконец, посыльный передовой гвардии прибыл в Сеговию с сообщением о приближении высоких гостей. Моралес немедленно собрал процессию собственных вассалов и поспешил навстречу.

Мари, как все женщины Сеговии, закуталась в вуаль и стала у окна, чтобы во все глаза глядеть на небывалое шествие. И увидеть или не увидеть того, кого она видеть не хотела.

Город превратился в огромную сцену полную веселья, суматохи и возбуждения. С крыш, балконов, колоколен свисали флаги и цветные гобелены. В каждом окне виднелось женское лицо, наполовину закрытое вуалью. Если верно, что все испанки прекрасны, то вид с мостовой на окна был не менее красив, чем зрелище, открывавшееся из домов на улицу.

В звон церковных колоколов время от времени врвалась военная музыка – конница въезжала в город. Даже священники, стоявшие возле церквей в своих безликих одеждах, смягчили строгие лица и улыбались, проникшись всеобщим энтузиазмом мирян.

Воины двигались неспешным шагом. Гарцевали на лошадях убеленные сединами рыцари и безбородые юноши. Богатые седла и яркие попоны красовались на спинах лошадей. Стальные наконечники сотен копий блестели в солнечном свете. В руках всадников покачивались легкие вымпелы, другие ездоки держали тяжелые знамена с геральдическими гербами и девизами. Глаза досужих зрителей ослепляло великолепное шествие шлемов и лат, мечей и щитов, плюмажей и плащей, бархата и шелка. Помпезность будоражит душу, заставляет быстрее биться сердца, зажигает огонь в глазах. Даже одержимая страхом Мари, жалобно твердившая про себя “Только бы не он! Только бы не он!” при появлении каждой новой фигуры молодого рыцаря, и та увлеклась сказочным очарованием парада.

Три часа торжественное шествие текло по улицам Сеговии. Наконец, пронесся слух, что главные фигуры близко и скоро войдут в город.

И вот апофеоз настал! Возгласы приветствия, крики восторга. На вороном коне, в окружении почетной охраны из кастильцев и арагонцев, появился король Фердинанд. Как красиво одет монарх, как выразительны, как величавы черты лица его! Восемь лет старшинства и глубокая вдумчивость характера придавали ему вид верховенства в венценосной чете. Люди ликovali, зная наперед безошибочным чутьем толпы, что талант Фердинанда выведет его в число могучих европейских самодержцев и доставит любимой Испании богатство, славу и преуспевание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.